

№ 7038, Нов. Ар.
1895
У Джузеппе Верди. 14

блѣдныхъ, пыльных изгородей, сквозь которыя просвѣчивали желтые поля, слѣва, съ западной стороны, выросъ ярко зеленый садъ, а за нимъ появился двухэтажный домъ съ обширной верандой. Справа дорога шла дальше, вдоль канавы, обсаженной то-полями; черезъ канаву перекинутъ мостикъ съ двумя цѣпями, снимающимися въ случаѣ приѣзда кого-либо съ большой дороги, изъ Буссето. Большой чугунный ворота съ двумя калитками по бокамъ и съ ярко красною высокою стѣною красиво выдѣляются на двухцвѣтномъ фонѣ, зеленомъ и бѣломъ.

Первый принадлежитъ чащѣ сада, высокимъ, роскошнымъ, почти тропическимъ деревьямъ; они съ большими блестящими, яркими листьями и переносятъ воображеніе посѣтителя далеко за эти прозаичныя поля кукурузы, въ страну Аиды и Радамеса. Эти густыя облака листвы, то мрачныя, темныя, то торжественно и радостно отражающія лучи солнца, то красивыми фестонами нависшія надъ ярко муравой, то просто, непринужденно охватывающія стройную, яркую линію стѣны; эта идиллическая тѣнь, изумрудная зелень травки, скромно приотвѣсившей у ногъ величественныхъ гигантовъ; эти дѣйствительно грустные ивы, такъ характеризующія пейзажъ средней Италіи и склонившіяся по сторонамъ чугунныхъ воротъ; эти пестрые нарисованные предъ домомъ, и надъ всѣмъ этимъ опять тропическая чаща,—все это отражаетъ внутренній міръ, жизнь владѣльца виллы, все это вѣрывается въ память каждаго посѣтителя ея.

Еще въ 1868 году извѣстный итальянскій писатель Гисланцони въ своихъ «*Reminiscenze artistiche*» подробно рассказывалъ о впечатлѣніи, производимомъ садомъ Верди. Я былъ счастливѣе Гисланцони: предомно было тотъ же чудный уголокъ, но спустя тридцать лѣтъ, послѣ многолѣтнихъ заботъ о немъ его знаменитого владѣльца. Предомно былъ тотъ же тѣнистый садъ, но оживленный присутствіемъ стройной, нѣсколько полной женщины, не молодой, но сохранившей обаяніе красиваго профиля,

рельефно выступавшаго на фонѣ черной кружевной мантіи, закутывавшей ея голову. Медленно, важно, даже торжественно шла она, нѣкогда знаменитая примадонна Жозефина Стреппони, нынѣ г-жа Верди, по изумрудной муравѣ сада; цесарки, павлины окружали ее, яркіе лучи теплаго, утренняго южнаго солнца про-бывались сюда сквозь листву деревьевъ; небо было лазурное, безоблачное. Всѣ части этой картины казались такъ просты, естественны, сочетаніе ихъ было такое стройное, гармоничное, что, глядя на нее, мнѣ явственно послышалась чудная мелодія квартета въ «Риголетто»:

Bella figlia dell'amore...

Эта поэтическая алеггорія тѣнется на значительномъ протяженіи и, какъ десятки другихъ подробностей въ S. Agata, скрываетъ глубокія хозяйственные познанія Верди, его умѣніе распоряжаться матеріаломъ, выработаннымъ многолѣтнею практикою предшественниковъ; какъ подъ простою, скромною внѣшностью Верди скрывается одинъ изъ самыхъ щедрыхъ благотворителей нашихъ дней, такъ же точно скрываетъ эта алеггорія разнообразныхъ построекъ и хозяйственныхъ службъ. Еще далѣе разбросаны опрятные, красивые домики крестьянъ, живущихъ въ имѣніи Верди и, сказать хотѣли, почти обожавшихъ его.

Какъ для себя, такъ и для нихъ заботливый владѣлецъ Сантъ-Агаты собралъ всѣ важнѣйшія нововведенія Западной Европы по части сельскаго хозяйства: здѣсь можно найти образцовыя фермы, лучшія огородныя овощи, искусственное озеро, не уступающее по красотѣ такимъ же озерамъ при Лаксенбургскихъ дворцахъ, близъ Вѣны; здѣсь хозяинъ съ гордостью показываетъ свои прекрасныя конюшни, гдѣ онъ проводитъ ежедневно нѣсколько часовъ и гдѣ создавалась въ теченіе многихъ лѣтъ новая порода лошадей, *race Verdi*.

И сколько такихъ подробностей раскрываетъ внимательному наблюдателю, проникшему сюда изъ-за высокой красной стѣны! Но съ улицы, съ дороги, прохожему не до-

гадаться о чудесахъ, скрытыхъ въ palazzo Verdi. Отсюда видна только стѣна, разрисованная яркими кирпичиками и рельефно выступающая на фонѣ зеленого сада и блага двухэтажнаго дома. Послѣдній по внѣшности не представляетъ ничего особеннаго; снаружи никакихъ украшеній, никакихъ наметковъ на архитектурный стиль; внутри много бивалось сюда сквозь листву деревьевъ; небо было лазурное, безоблачное. Всѣ части этой картины казались такъ просты, естественны, сочетаніе ихъ было такое стройное, гармоничное, что, глядя на нее, мнѣ явственно послышалась чудная мелодія квартета въ «Риголетто»:

Теперь, спустя еще 27 лѣтъ, на 82 году жизни, въ немъ трудно подмѣтить тѣ черты, которыя могли бы нарушить впечатлѣніе облика магистаго старца, но которыя казались естественными въ молодомъ авторѣ «Атилы», «Макбета» и «Разбойниковъ», въ сподвижники, порою невольномъ, Виктора-Эммануила, Гарибальди и Манцони. Верди высокъ ростомъ; при немного болѣе широкой груди онъ могъ бы щеголять своимъ сложеніемъ; походка его смѣлая, ровная, красивая; густые сѣдые волосы обрамляютъ все лицо; въ глубокихъ свѣтлыхъ глазахъ много доброты, ласки; бросаются въ глаза его грубыя, широкія и костлявыя руки. Въ его простенькомъ тепломъ короткомъ пиджакѣ, въ легкомъ галстукѣ, повязанномъ бантомъ, въ мягкой войлочной шляпѣ нѣтъ намека на кокетливость и изысканность, которымъ дорожатъ въ своей внѣшности даже старики изъ французскихъ, напр., художниковъ. Вообще онъ теперь имѣетъ видъ скорѣе добродушнаго старика-землевладѣльца, чѣмъ артиста.

Въ лучшемъ жизнеописаніи Верди, въ книгѣ Ар. Пужена, приведено два воспоминанія Гисланцони о личности композитора. Первое относится къ 1846 г. Верди производитъ тогда впечатлѣніе грубаго, увлекающагося человѣка, не лишеннаго привлекательности въ глазахъ и чертахъ лица, но человѣка съ рѣзкими манерами, съ почти постоянно порывистыми, дикими, страстными движеніями. Сложеніе его было и тогда еще настолько тѣсноту, что многіе опасались за жизнь молодого композитора.

Черезъ 22 года, Гисланцони, посѣтивъ виллу Сантъ-Агату, рассказывалъ, что владѣлецъ ея (ему было 54 года) сохранилъ привлекательность выраженія лица, но тѣ рѣзкихъ манеръ не осталось почти никакого слѣда; онъ мягокъ въ обращеніи, ла-

сковъ, предупредителенъ, взглядъ его сдѣлался почти грустнымъ; съ виду онъ былъ крѣпкимъ, здоровымъ человѣкомъ, рассчитывавшимъ прожить годы если не Маусала, то Тициана, какъ извѣстно, жившаго до 97 лѣтъ.

Первою темою нашей бесѣды была погода. Авторъ «Аиды» жаловался на засуху, на скверный урожай многихъ плодовъ; по тонаціи голоса и грустному выраженію лица было замѣтно, что послѣдніе знойные дни, стоявшіе въ Италіи, сильно волновали заботливаго помѣщика. Тѣтъ не менѣе, несмотря на жаркую погоду, онъ страдалъ простудою и, войдя въ одну изъ гостиныхъ, гдѣ мы потомъ бесѣдовали о музыкѣ, старательно притворилъ всѣ двери и окна. Его огорчало также и то обстоятельство, что послѣ двухмѣсячнаго пользованія минеральными водами въ Монтекатини (въ Тосканѣ) для укрѣпленія нервовъ и всего организма (послѣ усиленной работы и заботъ предшествовавшихъ года), въ этотъ организмъ, чуждый до сихъ поръ всякимъ болѣзнямъ, проникла злая простуда, съ которою ему приходится бороться, отказавшись отъ ежедневныхъ долгихъ прогулокъ по окрестнымъ полямъ въ 5 и 6 часовъ утра и вообще измѣнивъ образъ жизни, заведенный почти полвѣка тому назадъ.

Деревню магистый композиторъ предпочитаетъ городу; въ виллѣ своей онъ готовъ бы жить безвыѣздно, но есть причины, побуждающія его проводить большую часть года отчасти въ Миланѣ, а преимущественно въ своей зимней резиденціи—въ Генуѣ. Тамъ онъ чувствуетъ себя хуже, какъ бы оторваннымъ отъ природы, да притомъ интервьюеры и артисты-новички (преимущественно парижские, которыхъ Верди не долюбилъ) часто отравляютъ ему дни своими назойливыми и порою бессмысленными визитами. Его закидываютъ вопросами: какъ выучить такую-то фразу? какъ спѣть такой-то тактъ? даже—какъ произнести такое-то слово? И всѣмъ онъ принужденъ повторять азбучную истину: выучите свою партію—слова и музыку, выйдите въ характеръ роли; остальное придетъ само собою; если вы не лишены таланта, то выйдете хорошо; въ противномъ случаѣ ничто вамъ не поможетъ.

Съ внѣшней стороны бесѣда съ нимъ на первый разъ тоже не представляетъ ничего особеннаго: просто, безъ рисовки, безъ позирования, внимательно выслушиваетъ онъ собесѣдника и такъ же просто, безъ лиш-

нихъ словъ и жестовъ, высказываетъ свои мысли.

Какъ любезный хозяинъ, Верди навелъ разговоръ на тему, которая касается моей общественной дѣятельности: онъ разспрашивалъ объ оперѣ въ Тифлисѣ *), объ ея прошломъ, о современномъ положеніи, объ итальянскихъ артистахъ, живущихъ или посѣщавшихъ Кавказъ, о тифлисскомъ музыкальномъ училищѣ, о ходѣ занятій въ немъ и т. п.

Познакомивъ почтеннаго маэстро съ театально-музыкальными дѣлами Тифлиса, я продолжалъ бесѣду о музыкальных дѣлахъ, но съ болѣе общимъ интересомъ. Въ свою очередь, я разспрашивалъ о театрахъ въ Италіи, за границей, о современныхъ пѣвцахъ и пѣвицахъ.

Вѣчная жалоба, сказалъ Верди,—на недостатокъ вокальных артистовъ! Я слышалъ ее еще тогда, когда писалъ «Nabucco» и «Lombardi»; тогда же выросли на моихъ глазахъ Фреэццолини и Рубини, не представлявшие сначала ничего особеннаго. Такъ шли годы въ жалобахъ, а знаменитые пѣвцы появлялись своимъ чередомъ: постарѣлъ Мазини, но есть еще Таманьо, есть Морель; сойдутъ они со сцены—будетъ гремѣть имя юноши Ниччини... Правда, много стали теперь кричать, это надрыгаетъ и губитъ голоса, иногда даже въ 2—3 года.

Разговоръ неминуемо перешелъ на современное состояніе оперы и на ея будущность. Я напомнилъ композитору слова, высказанныя имъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ: «прогрессъ искусства заключается въ возвращеніи къ античному».

— Да,—замѣтилъ онъ, пожавъ плечами,—не знаю: осуществится ли возрожденіе античныхъ идеаловъ, но полагаю это необходимымъ; конечно, нельзя все искусство XVII и XVIII вѣковъ возродить въ нашу эпоху; многое устарѣло, недоступно намъ, но въ старомъ надо заимствовать простоту, многое заимствовать и примѣнять заимствованное къ современнымъ требованіямъ. На это прежде

всего нужно чувство мѣры, безъ нея никакое изящное искусство невысказуемо. Гдѣ нѣтъ чувства мѣры, тамъ скоро является пресыщеніе, утомленіе, отвращеніе. Вотъ почему недавно еще увлекавшій Ибсенъ теперь утомляется. Въ природѣ, въ жизни есть истина изящная, прекрасная и есть истина отталкивающая.

Въ личности, напр., Отелло преступникъ намъ привлекателенъ, потому что его преступность исходитъ отъ безумной любви-страсти; такъ же привлекателенъ ангелъ-Дедемона, а злодѣй Яго-противенъ. Почему же прежде авторы останавливались охотно на первыхъ, а теперь на послѣднемъ? Почему главнымъ героемъ сталъ Яго?..

Въ заключеніе я, конечно, поинтересовался узнать—дѣйствительно ли магистый композиторъ работаетъ въ настоящее время надъ новой партитурой, о чемъ много пишутъ въ газетахъ.

— Пролетую зиму (въ Парижѣ) я столько работалъ и волновался, отвѣчалъ Верди,—что довольно съ меня... Пора... Я отдыхаю, мнѣ надо спокойствіе... Я больше ничего не пишу, вижу, что не могу... выходить пустяки... *ce n'est qu'une plaisanterie*.

Отвѣзжая отъ Сантъ-Агаты, гдѣ я провелъ нѣсколько часовъ, я еще разъ взглянулъ на эту живописную гармонію, на этотъ кварталъ изумрудной зелени сада, знойныхъ лучей, бѣленькаго домика и раскинувшейся безконечной равнины; еще яснѣе представилась мнѣ глазами истина прекрасная, изящная; еще явственнѣе послышались мнѣ слова безпечнаго красавца герцога Мантуи:

Bella figlia dell'amore... Они звучали среди чащи пальмъ и кипарисовъ, они сіяли на безоблачномъ небѣ, они раздавались изъ-за раскинувшихся на равнинѣ виноградниковъ, они выступали неопредѣленными очертаніями на автографѣ, полученномъ мною отъ гениальнаго автора, отъ гения грусти и сильныхъ страстей.

В. Коргановъ.

*) Въ день пятидесятилѣтняго юбилея своей музыкальной дѣятельности Верди получилъ прочувствованную телеграмму отъ антрепризы и группы тифлисской оперы.